

Сергей Попов

Больничка

История главного врача

Сергей Попов

**Больничка. История
главного врача**

«Издательские решения»

Попов С.

Больничка. История главного врача / С. Попов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504267-5

История жизни простого сельского врача, достигшего в медицине высокого положения. Трагедия его личной и семейной жизни. Основана на реальных событиях. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-504267-5

© Попов С.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1. Воспоминания Трепункина	7
Глава 2. Деревенские будни	17
Глава 3. О больничке	22
Глава 4. Строительство новой больнички	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Больничка История главного врача

Сергей Попов

© Сергей Попов, 2019

ISBN 978-5-0050-4267-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Главный врач Борис Михайлович Трепункин с утра пребывал в пренеприятном состоянии. Ему только, что сообщили: в его медико-санитарную часть завтра планируют направить комиссию по проверке расходования средств, выделенных на капитальный ремонт больничных помещений, вверенной ему больницы. «Больничка», как ласково называл ее Трепункин.

Главным врачом этой огромной медсанчасти он стал недавно. До этого он руководил многочисленными медицинскими учреждениями, начиная с участковой больницы. Всю свою медицинскую деятельность Борис Михайлович занимал руководящие должности. И уже стал подзабывать, когда из простого врача-хирурга превратился в сухаря-администратора, также далекого от медицины, как учитель от врача. Он уже не вел прием больных, не консультировал, не оперировал, а занимался хозяйственными делами. Ему приходилось всю жизнь строить и перестраивать больницы, выбивать деньги под новые корпуса, под новое оборудование, а про клинику он уже забыл и только в кругу близких друзей начинал вспоминать, как он раньше спасал людей, дневал и ночевал в больнице и гробил свое здоровье. А сейчас его ждала очередная проверка, к которым он уже давно привык, но знал, что под него уже давно собирают компромат и ждут подходящего случая избавиться от него.

Отдав необходимые распоряжения главному бухгалтеру по подготовке финансовых документов, Борис Михайлович уединился в комнате отдыха, накатил рюмку хорошего коньяка и предался воспоминаниям.

Он сразу вспомнил с чего начинал и до чего дошел.

Глава 1. Воспоминания Трепункина

После окончания медицинского института и распределения его направили в один из заолустных районов области на должность главного участкового врача, где он прозябал в течение нескольких лет, работая одновременно хирургом и руководя вверенной ему больницы. Та маленькая сельская больница размещалась в двухэтажном здании, где на первом этаже вел амбулаторный прием сам Борис Михайлович и его жена, фельдшер по образованию, верная спутница Татьяна Михайловна, а на втором этаже располагался стационар на двадцать коек: десять мужских и десять женских мест. Со своей будущей женой он познакомился еще до института, когда приезжал к дальнему родственнику. Как-то сразу понравились друг другу и вскоре поженились. Таня была его старше на несколько лет и жила в той самой деревне, куда он и был распределен. Все годы учебы каждую неделю Боря ездил домой, к жене. У них родился сын, первенец. И к окончанию института сын Андрей уже пошел в школу.

Работа в участковой больнице была многосторонней. Кроме хирургии Борис Михайлович вел и терапевтических больных, принимал роды, вел детский прием, работал «ушником», «глазником», как его иногда называли деревенские жители. Жена вела свой фельдшерский прием. Кроме них в больнице работали еще два фельдшера, две санитарки, сестра-хозяйка и вечно пьяный водитель единственного медицинского уазика, прикрепленного к больничке.

Поликлинический прием Боря вел с девяти часов утра и до тех пор, пока не кончался поток больных. Принимал всех подряд, вначале ему было это интересно, даже делал небольшие амбулаторные операции, но до полостной хирургии не хватало ни средств, ни кадров. До него работал главным врачом врач-терапевт, но тот не долго руководил участковой больницей, имел пагубную страсть к спиртному и вскоре был переведен под присмотр в районную больницу. Кадрами в деревнях тогда не разбрасывались. Пускай и выпивоха, но работает и занимает ставку.

На удивление или может так сложились цифры годового отчета, но в первый же год участковая больница под руководством Бори вдруг резко пошла в гору. У нее вдруг улучшились показатели по всем основным медицинским направлениям. В облздраве этот рывок никак не хотели комментировать, но взяли на заметку молодого врача. На следующий год участковая больница стала снова одной из лучших в области. Прекратились жалобы от больных, уменьшились показатели по детской смертности и улучшились цифры по родовспоможению. Еще до приезда Бори в деревню, руководство совхоза построило семье главного врача дом на земле и стал он одним из самых уважаемых интеллигентов в деревне. Вся деревня знала в лицо своего нового врача и относилась с уважением к нему.

Вскоре к нему прислали в больницу еще одного хирурга и Борис Михайлович при поддержке руководства совхоза, и частично облздравотдела расширил свою больницу, построил еще один корпус, где расположил операционную и небольшой стационар для хирургических больных. С этой небольшой стройки и стала формироваться основная деятельность Трепункина. Он понял, что любое строительство, ремонт и реконструкция помещений это золотое дно, из которого можно черпать деньги постоянно, даже работая в участковой больницы. Позже, занимая должность главного врача, он сразу же начинал строить и перестраивать вверенные ему в подчинение медицинские учреждения. От строительства пристройки хирургического отделения он получил от прораба совхоза несколько машин песка для личного пользования, кирпичей, цемента, хватившего для постройки во дворе своего дома кирпичного гаража совершенно бесплатно. Надо было еще отдельно построить баньку, но строительство завершилось и резервы неоткуда было черпать.

Вдвоем с молодым хирургом он стал делать небольшие операции и уже с банальным аппендицитом не посылал больных в город или районную больницу. По своему географиче-

ческому положению участковая больница находилась, как бы на отшибе и до города было добраться легче, чем до самой районной больницы. А в период весенней или осенней распутицы до больницы можно было доехать лишь на тракторе. Асфальт так и не проложили, сделали грунтовку, но она постоянно уходила куда-то в болото и сколько не ссыпали щебенки, земля все поглощала без остатка. «Прямо гиблое место!» – шутили местные жители, но никто так и не додумался проложить дорогу не через болото, а в обход его. Так, что появление обширной хирургической помощи было только на руку местным властям. Проще еще одного врача пригласить для работы, чем строить эту дорогу.

Борис Михайлович выбил у местных властей для себя личный уазик и уже сам рассекал по деревенским хлябям. Жить бы только и радоваться, но удаленность от цивилизации тяготила Трепункина, да и жена всё больше наседала на него и не хотела всю свою молодость провести среди грязи и неустроенности.

– Боря, я всю жизнь прожила в деревне и мне уже надоело и корову держать, и свиней кормить, хочется пожить по-человечески. Никак мы не можем из гавна вылезти, – постоянно внушала она ему по ночам, но Борис лишь только отмалчивался и пытался разговор перевести в шутку.

– Помесим гавно несколько лет, а потом видно будет. Ну, куда мы сейчас с тобой поедем. Ни опыта, ни денег, ни жилья. Вот станем на ноги, тогда и видно будет.

Но становление на ноги всё больше и больше откладывалось.

Деревня, где жил Борис Михайлович, была большой. Его дом располагался недалеко от правления совхоза, рядом здесь же находились местный дворец культуры, школа, большой сельский магазин. И как-то так получилось, что в эту деревню стали присылать сельскохозяйственные отряды студентов, вместе с преподавателями из того же медицинского института, который закончил Трепункин. Потом в этой деревне стали работать и стройотряды, возводящие коровники и прочие животноводческие комплексы. А где студенты, то там и куча проверяющих, начиная от секретаря парткома и кончая деканами факультетов. Гостеприимство Бориса Михайловича не знало границ. Все проверяющие кадры стремились после поездок по району остановиться на ночлег у него. Дом Трепункина был хлебосольный и всем хватало места для ночлега.

Однажды руководители сельхозотряда сказали ему, что скоро с проверкой приедет в его деревню сам декан, вместе со всей свитой.

– Вы только возите его прямо ко мне, что ему по полям ездить? – попросил Боря, – привезете, а сами можете студентов проверять. Пускай у меня Иван Иванович поживет немного. Я его на рыбалку свожу, за грибами по лесу ходим, да и просто отдохнет он от своих городских забот.

– Обязательно привезем, Борис Михайлович, – пообещал ему командир сельскохозяйственного отряда, – как только они в районе покажутся, то непременно заедут к нам в гостиницу, а мы уж его отдельно доставим до тебя. Декан всё интересуется, как его воспитанник работает в деревне.

На этом и порешили. Декана хотел заполучить к себе в гости Боря по простой причине. Во время учебы Иван Иванович спас его от отчисления из института. А дело было так. Как и большинство студентов, Боря подрабатывал сторожем в детском саду и вот однажды, и случилось это происшествие.

Эта история, произошедшая на факультете, поразила воображение не только деканата, но и всех студентов. Каким-то образом декану удалось ее замять, ну а сам участник этого происшествия считал, что действовал правильно, согласно неписаной инструкции. Устроился Боря по благу в детский садик. Работа не пыльная. Главное вовремя придти, убрать небольшой участок территории, а потом, заперев все двери на засов, спокойно лечь спать и охранять

своим присутствием детсадовские владения. Необходимо также было позвонить в милицию и сообщить, что такой-то сторож приступил к исполнению своих обязанностей.

Вот вроде бы и все. Лежи себе на диванчике, слушай радио и смотри телевизор, а больше и делать нечего. Но в этот вечер пришел Боря на дежурство прямо со дня рождения. На дне рождения полагается выпивать, а наш герой видно в этот вечер не рассчитал и выпил немного лишнего. Но «автопилот» четко доставил его до садика, где он, сильно не раскачиваясь, чтобы показать твердость походки и ясность затуманенного взора, получил все наставления от предыдущего сторожа. Его сменщик, штатный сотрудник детского садика, ближайший родственник заведующей, от которого можно было всего ожидать, вплоть и небольшого стукачества своей родственнице, тоже был навеселе и не понял, в каком состоянии наш Боря заступил на дежурство.

Комплекция Трепункина позволяла ему выпивать столько, сколько душе было угодно. Ростом его природа не обидела, здоровьем тоже. Крупный в костях, широкий в плечах, с небольшим животиком, гордо перелезающим через ремень, наш Боря напоминал героя гражданской войны Георгия Котовского, особенно тогда, когда в общежитии пошла мода на «лысую голову».

Эта мода возникла чисто случайно. В те далекие годы большинство лиц мужского пола отращивали свои волосы, до плеч и поражали воображение таких же зачуханных девиц неординарным прикидом. Все рок-музыканты носили гривы и немые волосы. По крайней мере, так казалось при разглядывании их на экранах телевизоров. Встретить же на улице человека с лысой, гладко выбритой головой была большая редкость. Еще свежи были в памяти те постановления и указы, когда человека попавшего в вытрезвитель обривали наголо, да еще из лагерей возвращались лица, не со столь обильной шевелюрой. Лысый, значит с криминальным или вытрезвительным прошлым. Среди студентов моды не было на лысых. Все обычно отращивали, а не сбрасывали волосы.

Комната, в которой жил Боря в общежитии, однажды, на одной из пьянок решила побриться наголо. Не просто так решила, а поспорил Боря со своим однокашником, что обрется наголо. Пари разбили. В качестве приза – две бутылки водки. Сказано – сделано. Сбегали за бутылками, Боря зажал их у себя на груди, сел решительно на стул и сказал: «Стригите!» Тем временем достали машинку и «под ноль» постригли нашего друга.

Пока его стригли, он наливал себе в стакан водки и выпивал. Наблюдатели сгорали от нетерпения, когда же им Боря нальет, но он сразу же всех предостерег:

- Ничего не получите, стригитесь – получите!
- Леня, дай, хоть рюмочку, – умолял его сосед по комнате.
- Стригись, потом получишь.

Видя, как на глазах убывает содержимое бутылки и шевелюра на голове, сосед тоже решил постричься наголо и готов был поспорить, хоть на один пузырь, лишь бы налили. Нашелся еще один спорщик, который готов был с ним поспорить на бутылку. На том и порешили. Постригли и соседа, и тут же распили бутылку. Вслед за ними решил постричься и Витя Поробьев, но уже так, безо всякого пари. Тут уже и пьянка понеслась, и стали стричь всех, кому не лень. За один час постриглось человек пять, больше пьяных не оказалось, и стричься было некому.

Но Боря бутылки допил один. Позже он ходил по общежитию, и, сверкая своей лысиной, демонстрировал необычный трюк – тушил сигареты о свою лысую голову. Вид, конечно у него был необычный. На голове среди свежих порезов красовались обожженные пятна от потушенных сигарет. Алкогольная анестезия делала свое дело, боль не чувствовалась. Она почувствовалась на следующий день, после протрезвления. Но это было уже и не так важно.

Вот в таком виде, с еще не отраженными волосами, Боря и ходил на дежурство. Бычья шея и лысая голова являлись прообразом будущих «бычков». Только, что цепи на шее не хватало. В отличие от бандитов конца двадцатого столетия, появившихся на 15—20 лет позже, Боря имел осмысленный взгляд, а не тупое выражение лица. Все-таки студент медицинского института, а не бандит с большой дороги, с тремя классами образования и нулевым интеллектом.

Теперь, вы понимаете, что какой человек охранял ночью жилище детишек. Если бы в детский садик, случайно забредал, одинокий пьяница и сталкивался нос к носу, с нашим Борей, то от одного его вида мог, наложить полные штаны.

А в этот раз, заперев все двери, завалился наш герой спать, в надежде, что спокойно проспится до утра. Да, тут случилась небольшая оказия. Или милиция не зафиксировала звонок сторожа в дежурную часть или сам Боря позабыл позвонить, но решил проверить детский сад наряд милиции.

Дело было зимой, на улице холодно, пришли сержанты к детскому садику и начали звонить в дверь. Звонят пять минут, никто не откликается. Смотрят, в окна горит свет, на втором этаже, значит, есть кто-то, а сторож не идет. Звонили- звонили, никто не подходит, барабанили в дверь, опять безрезультатно. Наш Боря спал богатырским сном и ничего не слышал. Милиционеры подумали, что в садик залезли воры и решили сами открыть дверь. Кое – как оттянули дверной крючок у двери и проникли в помещение.

В это время захотелось нашему герою сходить в туалет. Проснулся и слышит шум в дверях: «Не уж – то воры, забрались?», – подумал Трепункин и притаился недалеко от входной двери, в потаенном месте. Тем временем, наши милиционеры в темноте, пошли в коридоре, не подозревая, что их там поджидает Боря.

– А, что вы тут делаете, садик грабить, не позволю, – закричал он, – ну держитесь! Сейчас я милицию вызову.

В темноте, не разобрав, что перед ним самые настоящие милиционеры, которых он хотел сам вызывать, Борис решительно бросился на милиционеров, своим весом и напором смял и буквально вынес на улицу незадачливых визитеров, давая им по ходу пинков под зад. Выкинув ментов на улицу, закрыл за собой дверь и успокоился.

– Хотели в садик залезть, чего захотели! Я сейчас оденусь, им еще на улице поддам, – рассуждал Боря, но на улицу выходить не собирался, не хотелось выходить на мороз.

Тем временем сержантам, впервые получившим такого нагоняя, стало обидно за честь своего мундира, и они вызвали к себе на подкрепление еще один наряд внештатных сотрудников милиции. Наряд прибыл через полчаса. Оценив обстановку, решили они пробраться через запасной вход и забрать в кутузку нашего сторожа. Но Боря внимательно следил за их действиями со второго этажа и когда милиционеры, стали открывать запасную дверь, неожиданно распахнул ее перед ними и затащил к себе в помещение, двух блюстителей порядка и быстро закрыл изнутри дверь. Надавав тумаков этим двум ментам, как Котовский, в одноименном фильме, стукнув их лбами, временно вырубил, а потом решил связать. На горе этих сотрудников они были не в форме.

Боря, крепко связав мужиков, стал звонить в милицию, что на его детский садик совершается нападение.

– Аллю! Милиция! Срочно приезжайте! Ко мне в детский садик ломаются бандиты, двоих я уже связал, но остались еще двое на улице! Боюсь, я один с ними не справлюсь! Помогите!

В дежурной части приняли вызов и послали на помощь машину с милицией.

А тем временем, двое милиционеров, находящихся на улице, стали вызывать по радию тоже себе подкрепление. Дежурный в милиции в недоумении. Кого спасать? Кому помогать? Здесь сторож кричит о помощи, а тут сами милиционеры просят подмогу и все по одному адресу. Какая – то чертовщина получается. Но все-таки решили послать две машины по одному адресу. Может, кто с адресом ошибся! На месте пускай разбираются.

Две машины приехали через несколько минут. Борис за дверью ругался и грозил тем двум милиционерам, что он еще с ними разберется.

– Чего захотели! Садик решили обворовать! Мало вам воруяги квартир, так еще по садикам промышляете. Сейчас милиция приедет, она с вами разберется!

– Да, мы сами милиция, – пытались его вразумить сержанты, – посмотри на нашу форму.

– Видал, я в гробу вашу форму. Переоделись! – Воспаленный алкоголем мозг Бори не мог и на минуту себе представить, что перед ним настоящие милиционеры.

– Да, ты выйди, посмотри на нас, что ты там за дверью кричишь!

– Я, уже посмотрел. Вон ваши сообщники, у меня под дверью связанные лежат. Сейчас милиция приедет, и она с вами тоже разберется.

Вот за такой перепалкой и застал усиленный наряд милиции нашего героя. Выяснив, что в «заложниках» у Трепункина два внештатных сотрудника, а пьяный сторож не хочет их выпускать, решили его уговорить открыть дверь.

– Послушай, эй сторож, открой дверь, мы из милиции, приехали по твоему вызову! Вы же вызывали? – начал говорить один из вновь прибывших сотрудников милиции.

– Что-то, вы больно быстро приехали! На милицию и непохоже! Еще видно своих дружков позвали. Ну, погодите, приедет настоящая милиция, она вам покажет!

– Да, мы есть и самая настоящая! Выгляни в окно. Посмотри на нашу форму.

Зимой милицейскую форму очень трудно отличить от обычной гражданской. Тот же тулуп, та же зимняя шапка. Пойди, разберись в темноте, кто это перед тобой! Милиционер или грабитель!

Выручать же надо своих, и решили наши милиционеры наступать сразу же с двух сторон, понадеясь на то, что пока одни будут отвлекать сторожа, то другие попытаются попасть через другой запасной выход. На том и порешили. Но Боря тоже не дурак, разговаривает с одними, а сам держит под контролем другую дверь. И когда милиционеры стали проникать через другую дверь он был уже тут как тут и встретил во всеоружии осаждающих.

– А, хотели хитростью взять, – закричал Трепункин и начал мутузить в тесном коридоре троих милиционеров, не разбирая ни лиц, ни званий.

– Да, погоди ты, опомнись, – пытался образумить сторожа один из сержантов, – ты, что меня не помнишь, я же к тебе всегда греться приходил!

– Я, тебя сейчас согрею, – орал, что ей мощи Боря, – помогите, люди, на детский садик напали.

Но не рассчитал своих сил, подлетели еще трое ментов. Повисли со всех сторон на Борисе, а он как былинный богатырь, старался их отряхнуть со своих плеч, да не смог. Силы были больно неравными.

– Суки, пустите, убивают! – зарыдал Борис и вдруг ни с того ни с сего запел, – «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»! Пощады никто не желает...

И потащили нашего студента-сторожа в «воронок» и отвезли в отделение, где он отошпавшись, с ужасом, утром осознал, что же натворил. В рукопашной битве с ним участвовало 10 милиционеров. Дело было очень серьезным. Здесь пахло не только исключением из института, но и уголовным делом.

Спасли только две причины: сам декан Иван Иванович ходатайствовал о прощении Трепункина, да и милиционеры, которые приходили греться к нашему Лене, пожалели его по старой дружбе.

Распили они мировую, и на этом инцидент и закончился. Правда, детский садик распроштался с таким сторожем, уж больно самоотверженно он защищал его стены.

Вот теперь и ждал Борис Михайлович своего декана, как отца родного и хотел встретить его подобающе.

Про декана факультета говорили разные вещи: одни считали его тайным алкоголиком, тщательно скрывающим свою причастность к пьянству, другие большим ученым, основателем факультета и перспективным профессором. У себя на кафедре декан запирался у себя в кабинете и курил беспрестанно, попивая кофе в огромном количестве. Больных он не принимал, а только читал лекции, на которых студенты не могли понять, что он там им пытается объяснить. Так он сидел безвылазно у себя на кафедре, а к двум часам уходил в деканат, где также пил кофе и курил. С целью ограничения себя в курении ломал сигарету на две части и дымил не переставая. К студентам относился хорошо и всячески их жалел, помогая сдать экзамены по другим специальностям. У себя на кафедре он не допускал, чтобы из-за его предмета отчисляли студента. Только самых ленивых и откровенных дураков он иногда отчислял с факультета, а так старался, чтобы студенты спокойно заканчивали учебу.

На другом факультете Борю за его драку с милиционерами обязательно бы отчислили, да еще в пьяном виде, но здесь его декан пожалел и спустил все на тормозах. Позвонил начальнику милиции и попросил его об услуге, чтобы его подчиненные сержанты не подавали в суд на его студента. К просьбе декана, профессора, прислушались, понимая, что скоро и их дочка с сыном может надумать поступать в медицинский институт и спустили все дело на тормозах.

Борис Михайлович по случаю приезда дорогих гостей зарубил несколько кур, гусей, взял мяса в совхозе, купил водки, коньяка, пива в таком объеме, что хватило для встречи всего институтского начальства и стал ждать. Вскоре ему позвонили по телефону и сказали, что декан с секретарем партийного бюро факультета едет в гости. Жену Боря освободил на два дня от работы, задействовал фельдшеров для помощи в приготовлении пищи. На кухне, парили, жарили, варили, коптили. В общем ждали. Вскоре показался эскорт из двух машин, остановился около правления совхоза и оттуда вышли все дорогие гости. Декан с секретарем, командир с комиссаром студенческих стройотрядов и еще один человек, неизвестный Боре. Как впоследствии оказалось это был сам Председатель райисполкома. Они направились прямо в контору и их уже встречал прямо на крыльце директор совхоза.

«Почему они ко мне сразу не заехали», – подумал Боря и побежал в правление, поняв, что наличие Предрика немного поменяло планы гостей. Не успели гости зайти в контору, как Борис догнал их на пороге и зашел в помещение.

На втором этаже, в кабинете директора расположились все важные персоны. Сам директор не ожидал, что к нему приедет сам председатель райисполкома и думал, что может случилось какое-то происшествие о чем он еще не знает. А причина приезда районного начальства оказалось очень простой. Дочка предрика училась на факультете Ивана Ивановича и он понимал, что близкие знакомства с институтским начальством ему не помешает. Но поначалу

и директор этого не знал и сидел у себя в кресле, не зная с чего начать свою речь. Его выручил сам предрик.

– Виктор Максимович, не суетись, мы к тебе не с проверкой приехали. Ты у нас на хорошем счету и занимайся своим делом, сколько тебе будет угодно. Просто накорми и обогрей дорогих гостей, а мы пока здесь перекурим у тебя.

– Какой разговор, Анатолий Петрович, – сейчас мигом всё устроим, пока посидите, покурите, может чаю с дороги и чего-нибудь покрепче? Я пойду распоряджусь, – быстро вышел из кабинета и вскоре вернулся, – немного посидите, отдохните, скоро всё образуется.

– Мы, особенно не торопимся, – продолжал предрик на правах хозяина, – лучше расскажи как тебе нравится работа нашего главного участкового врача. Говорят, ты ему помог хирургический корпус пристроить к больнице? Похвально. Дело нужное....

Боря сидел с краю стола и не знал как ему вести в такой ситуации. Выходит, что декан со всем начальством приехали к нему лично и им все уборочные дела далеко безразличны. А сейчас приходилось слушать и ждать, когда же отпустит директор своих гостей. Но отпустили их не сразу. Минут через пятнадцать в кабинет заглянула женщина в белом халате, заведующая столовой и пригласила всех мужчин спуститься вниз.

– Пройдемте гости дорогие, перекусим, отдохнем с дороги, да посидим немного, – широким жестом хлебосольного хозяина пригласил директор, – здесь недалеко.

Гости вышли из конторы, прошли метров пятьдесят и зашли в здание столовой с запасного входа, со двора. Здесь располагался небольшой банкетный зал, человек на пятнадцать. О наличии этого отдельного кабинета Боря даже не догадывался и ему было интересно здесь побывать. Посередине помещения стоял большой стол сервированный по самому высшему разряду. Хрустальные фужеры, белоснежные салфетки, дорогой столовой сервиз украшали стол. На столе стояли многочисленные холодные закуски, начиная от красной икры и кончая маринованными огурчиками, с различными салатами и прочей нарезкой. На столе горделиво стояли несколько бутылок запотевшей водки и минеральной воды. Какой-то неизвестный коньяк стоял в красивой упаковке. Их встречала молоденькая официантка, очень симпатичная и приветливая. Она помогла всем гостям рассестся и спросила, когда подавать горячее.

– Не торопись пока Настя, – сказал Виктор Максимович, – пускай гости пока закусят холодными закусками, а я потом скажу, когда подавать.

Первый тост поднял сам Председатель райисполкома. Он предложил выпить вначале за гостей, потом за хозяина, потом за институт и... потом уже особо и не прислушивались к речам высокого гостя. Декан, как заметил Боря, лишь слегка пригублял рюмку, стараясь не пить до конца. «Так они наедятся, да и напьются и ко мне не зайдут» – скажут, что времени нет. И куда мне всё девать наготовленное моей женой», – думал Боря и вдруг чувствует, что его толкает в бок один из преподавателей и шепчет ему на ухо, чтобы тоже тост сказал. Боре ничего не оставалось, как встать и произнести тост за дорогих гостей. Все дружно выпили и доброжелательно стали смотреть на Бориса.

– Ты лучше расскажи гостям, – обратился к нему директор, – как спас одного студента от утопления...

– Какого еще студента, – встрепнулся декан, – ну-ка, расскажи Боренька.

– Давай, давай, – подбодрил его Виктор Максимович, – я уже рассказал много чего хорошего про тебя твоему бывшему шефу. Что там студенты учудили?

Предрик внимательно стал смотреть на Борю и тоже приготовился слушать, видно его заинтересовало, где это у них в степной местности, где нет приличных водоемов, мог чуть не утонуть человек. Боря собрался с духом и начал рассказывать.

– Этим летом у нас работал стройотряд с нашего института. И вот в один из дней решили ребята устроить соревнование, кто больше из них продержится под водой с задержкой дыхания.

Стали погружаться в цистерну с водой, это им на стройку воду подвозили и на время ныряли. Кто не принимал участие в соревновании фиксировали время. Вот один из студентов нырнул и проходит минута, вторая, третья, а студент не выныривает. Стали его доставать из воды, а он уже без дыхания. А я как раз проезжал мимо стройки и вижу, что это студенты толпятся в одном месте, кричат, шумят. Вышел из машины, а ребята пытаются привести в чувство своего товарища. Делают искусственное дыхание, а неправильно. Я быстро отстранил ребят, перевернул парня, надавил на живот, несколько раз нажал на грудную клетку. Потекла вода изо рта, что есть силы вдохнул в него, смотрю парень к жизни возвращается, хотя поначалу мне показалось, что сердце у него остановилось, сейчас и не скажу точно. Короче спасли парня.

– Ты не только парня спас, – проговорил Иван Иванович, – ты спас весь наш институт. Сейчас бы столько было бы шума, да комиссий. Многие свои должности потеряли. В общем, молодец, Боря, я всегда знал, что из тебя получится толковый доктор.

– Вот и я об этом говорю, – поддержал его директор, – они не хотели никому говорить, да я случайно узнал, а потом уже было поздно о чем-то в район сообщать. Все живы-здоровы. Ну и ладно.

– У парня никаких осложнений не было, – спросил предрик, – а то мало ли, что?

– Да, все в порядке. Отработали ребята летний трудовой семестр, хорошо заработали, я их всех с премиями отпустил, – сказал директор, – все довольные уехали.

– Ну, лучше об этом не распространяться! Правильно я говорю отцы командиры сельхозотрядов.

– Правильно, правильно, – заметил командир, – нам эти ЧП не нужны и без них забот хватает. Сейчас вот со всеми проводим инструктаж, чтобы в поле не загорали, когда комбайн работает, а то в одном районе парня с девкой перелопатило. Они решили любовью заняться в пшенице, вот и дозанимались. Комбайнер умом тронулся, когда увидел кровь на стекле будки комбайна, сейчас его лечат в психушке. Столько комиссий наехало, благо, что не в нашей зоне. Каждый год такие случаи бывают и мы не знаем, как от них студентов предохранить. Хоть бы в этом году пронесло.

– Надо просто студентов на уборочную не посылать, – подал крамольную мысль директор, – и без них бы справились!

– Сегодня ты откажешься Виктор Максимович, а на следующий год будешь просить, тебе не дадут. Уж лучше пускай работают, помогают деревне в уборке урожая, – заключил Предрик.

– Да, я разве против, пусть работают, но наши рабочие начинают бездельничать, а это не порядок, – согласился директор.

Застолье продолжалось уже более двух часов, но тут Предрик посмотрел на часы, встал из-за стола и сказал, что его ждут на селекторном совещании в районе. Все стали потихоньку собираться и прощаться. Декан отстал от компании и спросил у Бориса:

– Ну, показывай свое хозяйство, веди к себе в дом. Хочется посмотреть, как ты там живешь.

– Сейчас пойдем, я тут рядом с правлением, мой дом через дорогу.

– Ну и хорошо, а то мне уже ходить по улицам надоело.

Когда Предрик уехал, вся компания из пяти человек направилась в дом Бориса. Директор, отозвав его, спросил, не надо ли чем помочь, и, получив отрицательный ответ сам остался в конторе, пообещав, что заглянет на минутку в дом. При подходе к дому гости услышали сильный злобный лай.

– У тебя, что собака есть? – поинтересовался декан.

– Да, держу на привязи, очень злобный, никого в дом не пускает, – объяснил Боря.

– Так уж и злобный, – не поверил Иван Иванович, – я люблю собак и они все меня слушаются.

– Но лучше близко к нему не подходите, Цезарь страшно злой, моя жена боится к нему иногда подходить, миску с едой вырывает.

Во дворе дома бесновался пес, носился по проволоке, привязанной к столбам. При виде гостей, ошетинился, зарычал, Боря его поймал за ошейник и знаками показал, чтобы гости проходили в дом. На пороге стояла жена Борина и радостно улыбалась. Она уже несколько раз бегала в правление и интересовалась, когда закончится чаепитие, как ей сказала секретарша директора.

– Проходите в дом, гости дорогие. Раздевайтесь и садитесь за стол. Сейчас я вас накормлю, видно одним чаем сыт не будешь.

– Да нас уж так чаем напоили, – заметил парторг факультета, – что даже есть не хочется!

– Ничего, в желудке еще места достаточно. Садитесь, пожалуйста. Где это мой хозяин застрял?

– Да, он вместе с деканом на дворе курят, – подсказал командир зоны, – собакой заинтересовался Иван Иванович. Он еще тот собачник. Собак страшно любит. Сейчас придут.

А в это время декан интересовался у Бори, про его устройство в участковой больнице, о трудностях в лечении больных, об операциях. Иван Иванович спросил, собирается ли Боря переезжать в город, на, что получил ответ, что пока еще рано, надо здесь поработать, да и кем он туда придет. Нет ни квартиры, ни работы. Но больше декана интересовала сама собака, а про работу он спросил больше для приличия, чем для интереса.

– Слушай, Боря, а твой Цезарь от каких родителей? Смотрю я на него, что есть в нем, что-то породистое, но не могу понять.

– Мне говорили, что один из родителей у него медалист каких-то выставок, но сейчас и концов не найдешь. Те хозяева уже уехали из деревни, а мне дали щенка и вот он вымахал, какой кобель. Все селяне боятся в двор зайти, кричат мне из-за ограды.

– Да, я вижу, что собака хорошая, как бы мне с ней познакомиться ближе.

– Ой, не надо, Иван Иванович, может укусить Вас, я только об этом беспокоюсь. Ну ладно, может потом, как-нибудь.

– А я сейчас и не собираюсь. Пускай пес ко мне привыкнет, – и с этими словами Иван Иванович стал подходить к собаке, при этом говорил ласковые слова. Пес на удивление, стал внимательно смотреть на него, но не показывал агрессивности. – Ну, на сей раз хватит, надо постепенно приучать. Здесь нахрапом брать нельзя. Пошли в дом, Боренька.

Уже второй раз за встречу называл его Иван Иванович так ласково, что Боря даже не верил, что такой могущественный человек на факультете и в институте может вот так запросто обращаться с людьми. За столом уже сидели в сборе и ждали декана. Иван Иванович встал с рюмкой водки и провозгласил тост за хозяина этого дома и пожелал успехов в его труде на сельской ниве. Гости дружно опрокинули рюмки и стали закусывать. Татьяна только и успевала таскать из кухни разные блюда. Чего только здесь не было и жареный поросенок, и рыба жареная, и целая гора котлет, по поводу которых один из гостей заметил, что никогда не ел котлет с таким огромным содержанием мяса, да к тому же и вкусных. Вскоре подошел и директор совхоза и опять начал расхваливать Бориса, что тому уже стало неловко от такого количества похвалы, что он услышал за один день.

Гости изрядно выпили, руководители сельхоззоны засобирались ехать в гостиницу и вдруг спохватились, что декана нет с ними.

– Таня, ты не видела Иван Ивановича, – спросил он у жены.

– Он с Цезарем в будке сидит, – ответила Татьяна.

– Как в будке? Его там кобель не покусал?

– Нет, пойдй сам посмотри.

Боря вышел из дома и увидел презанятную картину. Иван Иванович сидел на пороге будки и кормил котлетами грозную собаку, при этом поглаживая цепного пса. Собака прижималась к нему, виляла хвостом и поглощала с невиданной быстротой котлеты. Было такое чувство, что они уже знают давно друг друга и искренне любят.

– Иван Иванович? – спросил Боря у декана, – как это вам удалось? Ведь Цезарь зверь настоящий.

– Доброе слово и собаке приятно. Лаской надо к животному подходить, а не с кнутом. Вот видишь, мы и подружались. Ну, ладно, ты тут доедай котлеты собачина, а я пойду покурю.

Собака терлась о ноги Иван Ивановича и не хотела его отпускать. Напоследок он потрепал ее по загривку, приобнял и сказал, что еще придет к ней. Директор совхоза всё это видел и сказал Борису, что он и по сей день боится к воротам дома подойти, а тут всего за несколько часов и собака оказалась полностью прирученной.

Вечер удался на славу. Трех человек Боря оставил ночевать у себя, а остальные разъехались.

Сейчас Борис Михайлович вспомнил об этом вечере в деревне и ему стало тоскливо на душе. Уже давно не было в живых декана, уже уехал в Германию директор совхоза, да и все его знакомые разбрелись по белу свету, а он сидит и ждет комиссию по проверке его хозяйственной деятельности.

Глава 2. Деревенские будни

Так и протекала жизнь Бориса Михайловича в деревне. С каждым годом его больница всё хорошела, он сделал в ней капитальный ремонт и многие больные не хотели лечиться в районной больнице, а хотели лечиться только в своей родной участковой. Снабжение лекарствами в больнице было прекрасное, питание отличное деревенское, работали врачи всех специальностей, только рожать приходилось в районной больнице, но это уже являлось определенной традицией в деревне. Для родильного дома надо было перестраивать всю больницу, да и не набиралось столько женщин, чтобы держать целое отделение.

Со временем участковую больницу стали ставить в пример всем участковым больницам в области и на то были веские основания. А сам Борис Михайлович работал круглыми сутками и только заботился о благе своих больных. Еще он взял на себя почетную обязанность – это расписывать в своем сельсовете молодые пары и организовывать свадьбы в своем доме. Стал этаким свадебным генералом. В институте еще оставались друзья по курсу, многие уходили в академический отпуск и заканчивали институт позже. Вот как-то его один из студентов спросил, что можно ли расписаться в местном сельсовете, так как в городском ЗАГСе очередь не протолкнуться, а надо было срочно скрепить свои узы, чтобы при распределении не направили выпускников по разным углам области. Вот Боря одному помог, потом другому и понесло поехало. Брачующиеся пары приезжали к Боре, шли в сельсовет с продуктами, вином, свидетелями и кольцами, быстренько там расписывались, а потом играли свадьбу в доме у Бориса. И месяца не проходило, чтобы кто-нибудь не приехал расписываться в сельсовет. А председатель сельсовета даже иногда спрашивал у Бори, что скоро ли еще прибудет очередная пара. Председателю было хорошо, его всегда приглашали на свадьбу и однажды он даже ночью расписывал молодоженов. Время было такое, а сельсовет был оплотом Советской власти в деревне.

И вот однажды приехал расписываться к нему в сельсовет его старый друг Женька. Он дважды переносил свою свадьбу, а тут решил узаконить свои добрачные отношения. Как он потом объяснял, случилась у него самая настоящая большая любовь. Его будущая жена Наталья заканчивала институт, а ему еще предстояло год учиться. И вот, чтобы на расстоянии не потерять свои любовные привязанности они и решили пожениться. В городе у них уже не оставалось времени, ждать надо было два месяца, а в деревне это таинство брака решалось в течение нескольких минут.

Со стороны жениха приехал его близкий друг Сергей, он приехал из другого города, а со стороны невесты несколько подруг, незамужних и довольно смазливых девчонок. Приехали они на двух машинах, это уж Боря договорился, чтобы их из района доставили в его деревню. Привезли с собой закуски, алкоголь, еду и прямо в дом. Там с дороги сели, выпили, гулянье началось, посидели часа два и вдруг вспомнили, что не мешало бы и расписаться. Боря всех успокоил, что председатель сельсовета, его старый друг и в любое время откроет сельсовет. Наконец с песнями и плясками отправились расписываться, а председателя дома нет, уехал в район и обещал, что скоро приедет, объяснила его жена, на срочное совещание пригласили. Невеста в истерику, Женьке всё «по барабану», а только Боря сохраняет полное спокойствие.

– Ну, что вы волнуетесь, приедет Петр Семенович, вы слышали, что жена его сказала.

– А если в районе загуляет, да заночует там? – спросила одна из подружек невесты.

– Ну, завтра, наверняка приедет. Делов – то расписаться. Не в церкви же венчаться, – успокоил Боря. – Что Наташка без печати не дает? – спросил он у Женьки.

– Да, давно дала, успокойтесь, – сказала невеста. Хотелось же по-человечески.

– Сейчас я узнаю, позвоню в райисполком и узнаю, кончилось ли совещание и где наш председатель. Депутаты бывают после совещаний могут квасить в ресторане или где-нибудь на трассе организывают застолье.

Боря ушел звонить, вернулся через пять минут с довольной улыбкой на лице. Его приподнятое настроение заметили все гости.

– Ну, шо, где ваш председатель? – спросил Женька, – скоро будет?

– Да едет он, – успокоил всех Боря, – я с ним лично разговаривал, он как раз в приемной у предрика сидел и тот распорядился его отправить на служебной машине, он, оказывается, туда уехал на попутке, своя сломалась, а я то думал, как же в район уехал Семеныч, машина же во дворе стоит. Думаю, минут через двадцать будет здесь. Хорошо, что успел позвонить, а то они со своими коллегами хотели посидеть в ресторане, а я его перехватил.

– Так, ты, что не предупредил его, что мы приедем расписываться? – заматерился Женька.

– Как не предупредил? Еще вчера ему сказал, чтобы был на месте и он всё помнит. Давайте здесь у сельсовета подождем. Что у нас выпить нечего? Разливай Сергей!

Вся компания прямо на крыльце сельсовета расставила бутылки, вытащила закуску и начала праздновать бракосочетание. Минут через пятнадцать прибыл на служебной «Волге» председатель. Открыл сельсовет, пригласил всех зайти во внутрь. Достал из сейфа большой grossбух, открыл его, попросил паспорта брачующихся, записал фамилии, адрес места жительства, сверил фото на паспорте с присутствующими на церемонии. Потом достал из шкафа красную ленту и надел ее через плечо. Надписи было не разобрать, но все поняли торжественность этого момента и несколько подтянулись, расправили плечи, приняли серьезное выражение лица.

– Властью данной мне, объявляю вас мужем и женой. Прошу подойти к столу и скрепить этот торжественный акт подписями. Молодожены, обменяйтесь кольцами и скрепите свой союз поцелуем, – сказал председатель и добавил, – сейчас мы закончили торжественную часть и можно идти гулять. А пока мы будем праздновать вашу свадьбу, секретарь сельсовета вернется после вечерней дойки и напечатает вам свидетельство о регистрации брака. И принесет прямо к праздничному столу. Горько! – вдруг громко закричал Петр Семенович и все гости подхватили его! – Раз, два, три, – начали отсчет, но молодые быстро закончили с поцелуем и, обнявшись вышли из сельсовета.

Дома веселье разгорелось с новой силой! Приехал директор совхоза, сделал подарок, посидел немного, сказал несколько тостов и уехал. Супруга Бори только и успевала подкладывать закуску на стол, ставить новые бутылки и в этот момент в дом забежала перепуганная фельдшер из больницы. Борис сразу понял, что случилась какая-то неприятность.

– Борис Михайлович, там Нюрка вздумала рожать, ей еще не срок, только через неделю, а ейный мужик прибежал, и кричит, что жене плохо и надо срочно везти в район!

– Ну, так поезжайте! Что вы стоите! Берите машину и быстрее в больницу. Коля, мой шофер трезвый, я его предупредил. . .

– Я не могу, у меня дочь с высокой температурой, а сидеть ей не с кем.

– А где другие врачи?

– Вы всех отпустили, они же у вас отпрашивались, да и в больнице надо кого-нибудь оставить. Кроме вас и некого послать. Все заняты или отсутствуют.

– Не дадут на свадьбе друга погулять, – проворчал Борис, а сам вышел из-за стола и пошел к выходу. – Вы, тут гуляйте, – обратился он к гостям, – а я мигом, одна нога здесь, а другая там.

Взял с собой халат, ящик с лекарствами и пошел на выход. Скорая помощь уже стояла у дома. Фельдшер заранее предупредила водителя и Коля был готов ехать. Борису часто приходилось ездить в район или в город, сопровождать больных. Обычно и ему было спокойней и больные чувствовали уверенней и были благодарны, что любимый доктор не бросает их в трудную минуту. Ехать до роддома было всего тридцать минут и довезти роженицу не составляло большого труда, но надо было обязательно посылать с водителем сопровождающего медицинского работника. Один раз повезли женщину рожать в сопровождении санитарки, так посе-

редине дороги та стала рожать. Водитель не знает, что делать, санитарка молодая бегаёт кругом и не может ничем помочь. Кое как тогда довели будущую мамашу до роддома, где она благополучно родила. А могло всё случиться и по другому.

Гости продолжали праздновать, а Борис сел в уазик, предварительно забрав женщину из дома, и поехали в район. Но по дороге случилась та неприятность, которая случается раз в сто лет. Недалеко от районного центра, на переезде произошла железнодорожная авария и переезд полностью застопорился и нельзя было никуда проехать. Надо было это место объезжать и делать большой крюк вокруг поселка. Пока думали, что переезд откроют, пока решили объезжать, а время идет, роженица уже кричит благим матом, у нее уже воды начали отходить, хоть пешком иди, а как через железную дорогу идти никто и не знает. Тут шофер Коля сообразил, что есть в километрах двадцати отсюда переезд без шлагбаума, рванулись туда, подъехали, а там поезд летит не сбавляя скорости. Только через два часа приехали в роддом, завели женщину рожать и она сразу же родила мальчика. Радости было, что живую привезли и без всяких осложнений. Собрались уезжать, а тут прибегает главный врач районной больницы и Христом Богом умоляет, чтобы Борис Михайлович помог хирургам прооперировать раненых, раз он уже здесь. А оказалось следующее. На одной из пьянок, один из разгулявшихся мужиков, схватил нож и сумел ранить четверых гостей. У двух из них оказались проникающие ранения брюшной полости, а у остальных, незначительные поверхностные ножевые повреждения руки и грудной клетки. Пока опомнились и скрутили его, местный разбойник успел поработать ножичком. Вот их всех четверых и привезли в хирургию.

Оперировали по очереди, в зависимости от тяжести ранения, сразу же на двух столах с операционными сестрами. Для Бори вся свадьба была окончательно испорчена. Стал он активным хирургом в операционной. Ранения оказались не смертельными. Всех сняли со стола, но времени прошло много, была уже глубокая ночь. Пока Боря заканчивал оперировать, два других хирурга уже ушли из операционной, как прибегает коллега-врач и рассказывает, что у ее сына уже третий день держатся боли в животе и постоянно его поносит. Не слезит с горшка. Никакие противопроносные средства не помогают, а боли усиливаются и с каждым часом становится все хуже и хуже. Уже посмотрели его инфекционист и хотят, чтобы Борис Михайлович посмотрел. Как оказалось, он оказался самым опытным на этот момент хирургом. Надо было исключить «острый живот». Поэтому основной просьбой матери было пока не размыться, а подождать в операционной. Ну, что ж, сели в предоперационной, закурили и ждут. Может и правда, придется оперировать. Мальчика привели прямо в предоперационную. Боря посмотрел паренька и вынес свое твердое решение: «Срочно оперировать. У мальчика, по всей видимости острый аппендицит, расположенный атипично, позади прямой кишки, в забрюшинном пространстве». Свои хирурги боялись брать под нож ребенка коллеги. Боря снова помылся и стал ждать приготовления к операции.

Как уж тут разволновалась мать ребенка. Врачи то больше знают, какие осложнения бывают во время операций, какой процент смертности, от чего случается «наркозная смерть».

– Борис Михайлович, – заволновалась наш терапевт, – а может не надо оперировать. Может у него простая дизентерия. Ой, как я боюсь операции.

– Успокойтесь, коллега, какая здесь может дизентерия? Ты посмотри сама, живот как барабан. Я тебе клянусь, там точно воспаленный аппендикс. Сама будешь стоять на операции и все увидишь.

Мальчику дали масочный наркоз и началась операция, длившаяся всего десять минут. Как и предполагал Борис, воспаленный отросток находился забрюшинно, рядом с прямой кишкой и вызывал все диспепсические расстройства. Когда хирург вытащил, красную сосиску-

отросток и положил на операционное поле на салфетки, то здесь даже не врач мог сказать, что отросток воспален.

- Ну, смотри, какой красавчик, еще немного бы и порвался. А вы не верили, коллега.
- Да, я боялась просто операции, мало ли, что бывает, все – таки сын родной...
- Если бы еще сутки полечили дизентерию, то последствия были непредсказуемы, – сказал Боря, – да и, что тебя пугать, сама прекрасно все понимаешь.

Произведя типичную аппендэктомию, Боря быстро зашил живот и велел везти мальчика в палату, отдав необходимые распоряжения палатным сестрам. Было уже четыре часа ночи или утра, это как рассуждать, если вставать, то утро, если ложиться спать, то ночь. Давно пора было возвращаться домой.

Шофер Николай спал в машине. Боря его разбудил, тот завел машину и вернулись они домой к пяти часам утра. Все уже спали. Даже Цезарь только голову поднял в будке и продолжал дремать. Решил Боря с кем-нибудь выпить после всего происшедшего, да не может найти своих друзей Женьку и Серегу. Женьку решил не будить, все-таки первая официальная брачная ночь, а вот Сереги нигде на диване не было, хотя ему было заранее приготовлено место. Поискав его по дому, нашел Серегу в одной комнате. Оказалось, что он спал в одной кровати с двумя подружками невесты. Растолкал его Борис, дескать просыпайся, хватит дрыхнуть, пойдем лучше выпьем!

Сели они на кухне. За окном рассвет, петухи кричат, Цезарь, что-то подтягивает, видно спросонья. Весь стол заставлен не съеденной едой. Кругом недопитые бутылки на любой вкус. Разлили друзья по стаканам водки, замахнули раз за здоровье новоиспеченной семьи и решили спеть песню, посвященную молодоженам. И ничего другого не придумали, как затянули революционную песню «И от Москвы до Британских морей, Красная Армия всех сильнее!...» Хотят дальше петь, а слов и не знают. Но видно громко пели, что на кухню заглянула жена Таня и сказала, что это вы полуночники не ложитесь спать?

– Спать ложиться Таня уже поздно или рано, как тебе больше нравится, а на свадьбе я толком не погулял! Так, что буди всех и начнем дальше справлять свадьбу.

– Да, все только легли в два часа ночи. Вон Серега полночи ходил по дому, пока его девчонки, к себе не позвали.

– А я всю ночь оперировал. Попал на раздачу. Главный врач районки попросил помочь. Там у них один мудака четверых человек порезал. Поэтому и задержался.

– Да, я звонила на скорую, мне сообщили, что Борис Михайлович в операционной и освободится нескоро. Мы тебя поэтому и ждать не стали. Первыми пошли спать Женька с Наташкой, а мы немного посидели тесной компанией и разошлись.

– Ну, ты давай Таня, разогрей, что-нибудь из еды. Я всё равно не усну, а гости в обед собирались уезжать обратно в город. Надо будет их проводить, попросил Боря.

Друзья остались сидеть на кухне и, выпив еще немного, прямо за столом и задремали. Не дали им долго поспать. Через два часа начали просыпаться гости, а вскоре и молодожены вышли из комнаты.

– Боря, вставай, – закричал Женька, – всю свадьбу проспай!

– С вами проспай, всю ночь в операционной, – проворчал Борис, поднимая голову, – что обмыть захотелось первую брачную ночь?

– Мы ее давно уже обмыли, а сейчас надо просто выпить. Там, когда у вас электричка на город идет из вашего района?

– В три часа дня! Да вы лучше поезжайте вечерней.

– Если мы будем ориентироваться на вечернюю, то я боюсь домой не доберемся. А там меня теща ждет, да и Сергею надо уезжать вечером на поезде. Так, что мы поедем днем. Машина будет?

– Виктор Максимович пообещал еще вчера дать транспорт. Так, что не беспокойтесь, – успокоил его Боря.

Гости, как сонные мухи, разбрелись по дому. Женщины стали прибирать на кухне и организовывать новый стол. Вдруг Женька вспомнил.

– Наташка, а где наше свидетельство о браке? Вчера же его принесли или нет?

– Ты, что, совсем всё заспал. Его еще вчера вечером принесла секретарша сельсовета. А ты выходил на улицу курить и видно не видел. Лежит оно у меня драгоценное свидетельство, муженек мой любимый!

– А то я испугался, вдруг потеряли.

– С такими друзьями можно новое в две минуты выписать. А тебе, то оно зачем?

– Как зачем? Это тебе нужно, в деканате показать, может и не пошлют по распределению?

– Поздно, Женька, надо было расписаться до распределения, – сказала Наташка, – а сейчас поеду я в Рязанскую область, навстречу новой жизни и никто меня там не приголубит, а буду дожидаться своего любимого.

– Да, ты не волнуйся, я к тебе на каникулы приеду! – пообещал Женька.

Татьяна позвала всех к столу. Опять пошли тосты за здоровье молодых, за новую семью, за пожелания иметь много детей. Боря посидел для приличия и пошел вздремнуть. Перед этим позвонил директору и напомнил о машине до района, чтобы отвезти гостей.

В обед Боря посадил всех гостей в совхозный автобус. В доме стало пусто и неуютно.

Глава 3. О больничке

Деревня, в которой начал работать Боря считалась одной из самых хороших в районе. Вокруг деревни располагалось несколько водоемов, где местные жители ловили рыбу. Здесь в основном жили немцы, переселенцы той далекой Екатерининской реформы. Жили и русские, но в меньшем количестве. Дома стояли добротные, огороженные отличным забором и не знающий человек мог сразу же определить, где живут немцы, а где русские. У немцев чистота и порядок, а у русских калитка на одной петле держится и во дворе грязь невероятная.

У Бори мать была русская, а отец немец. Своего отца он не помнил, тот рано очень умер, а мать недолго его пережила. Фамилия у него была материнская, а родственники имели немецкие фамилии. Воспитывался Боря у тетки. Больше у него родных не было, да и с Таниной стороны мать с отцом рано умерли. С раннего детства они привыкли полагаться только на свои силы. Вот и познакомились в деревне, где Таня начала работать фельдшером, а Боря только заканчивал школу. Сразу же после окончания школы они и расписались и никакой разницы в возрасте не отмечалось, хотя, если следовать закону, то получалось, что Таня соблазнила несовершеннолетнего.

Боря уехал поступать в институт, а Таня продолжала жить на съемной квартире, в которой и поселилась с молодым мужем. Вскоре у них родился первенец и правление совхоза выделило им небольшую двухкомнатную квартирку, пообещав, что после окончания медицинского института построят дом на земле. И когда Борис приехал после окончания, то им быстро построили большой дом со всеми хозяйственными пристройками. Таня завела птиц, гусей, поросят, благо, что после больных оставалось много съедобных помоев и она на правах супруги будущего главного врача пользовалась преимуществом их использования. Как говорится, живи и радуйся.

Когда Борис начал преобразования в больничке, многие жители со скептицизмом отнеслись к его нововведениям, но жизнь показала, что труды нового главного не прошли даром. Прием стал вести настоящий врач, хирург, а не просто фельдшер. А когда Боря спас от инвалидности одного механизатора, то слава о нем стала греметь по всей округе. Дело в том, что деревня находилась недалеко от границы с Казахстаном. Эта граница была условной и жители близлежащих казахских деревень с удовольствием ехали в участковую больницу, чем к себе в район. Там и казахов проживало совсем ничего, но вот исторически сложилось, что там Казахстан, а здесь Россия. Боре было без разницы кого принимать, он никому не отказывал и работал столько времени, сколько было больных на приеме. Ни дать, ни взять чеховский земской доктор. Одно и отличие, что денег никогда с больных не брал, но благодарные пациенты благодарили его плодами своего труда с огорода. Несли и картошку, и капусту, и лук, и морковь, всё, что произрастало в плодородной земле.

И вот однажды произошел случай, поднявший авторитет Бори среди селян еще на большую высоту. Второго хирурга не оказалось поблизости, он сопровождал одного больного в район. Дежурный фельдшер, увидев в дверях Борину фигуру, с облегчением сказала:

– Ну, слава Богу, Борис Михайлович, мы уже и не знали, как с одним пациентом справиться. Орет благим матом, не дает сделать ему перевязку, да и к тому же пьяный!

– А, что случилось, – задал он вопрос, может и не стоило его, сюда сразу в хирургию тащить? Сейчас всех больных распугает....

– Да, его, пьяного тракториста, прямо из-под трактора «Беларусь» вытащили. Перевернулся на тракторе и стеклами кабины все лицо располосовал. На месте сделали перевязку, да вот пока довели, все кровью пропиталось. Пытались ему сделать повторную перевязку, без вашей помощи, но уж больно сильно кровь из раны идет. Побоялись, а вдруг там крупный сосуд поврежден, и придется шить, а вы все-таки хирург, вам проще.

– Ну, пошли, посмотрим, – проговорил Боря и пошел одевать халат, – там все для шитья готово?

– Да, мы давно все приготовили.

Из чистой перевязочной был слышен шум и голос хирургической санитарки:

– Утомонись, мужичок, че ты, слюни распустил, весь пол оплевал кровью. Ну, напился, так молчи. Вот шибутной попался! Орет, ругается, а потом после него здесь убирай....

– Вы, должны мне оказать первую помощь и отпустить домой, – послышался голос потерпевшего.

– Тебе же сказали, что сейчас придет хирург и окажет тебе первую помощь, – в этот момент Боря открыл дверь и вошел в кабинет, – вот и хирург прибыл.

На больничной кушетке, с полностью перебинтованной головой, сидело маленькое мужское создание. Мужичок, метр с кепкой, такой шибздик, от горшка два вершка. При виде Бори, он вопросительно стал смотреть на него и ждал, что же сейчас с ним будут делать. Ну, а делать надо было. Вся его повязка была полностью пропитана кровью, в области ушей, а свободная часть лица вся покрыта неглубокими порезами.

– Это, кто здесь не подчиняется медицинским сестрам, – как можно строже спросил Боря, – вы, что ли?

– Да, нет, я ничего, ну просто пошумел немного, а так ничего, делайте, что надо, да я разве против докторов, что-нибудь плохого имею.

– Ну, если не имеешь, то давай снимем повязку и посмотрим, что там у тебя с головой, – предложил Боря, – и сев рядом с ним, на кушетку начал разматывать повязку.

После снятия повязки, открылась ужасающая картина. Левое ухо почти полностью было срезано со своего основания и держалось буквально на одной мочке. Другое ухо также было повреждено, но больше было прикреплено к голове. Видно, когда трактор перевернулся, и разбились стекла в кабине, осколки стекла как бритвой срезали трактористу уши. Выход из этой ситуации был один, попробовать пришить ему уши, а там уж Бог, судья, приживутся они или нет. Да, к тому же кровь обильно сочилась из раны, и в любом случае надо было останавливать кровотечение. Другие порезы лица не требовали хирургической обработки. Просто их надо было обработать йодом и наложить давящие повязки.

– Вот, что тракторист, тебе необходимо сделать небольшую операцию, пришить обратно твои уши, вон посмотри в зеркало на свое отражение.

И вдруг нашего больного, как прорвало. Он не стал смотреть в зеркало, а вдруг вскочил на ноги и ринулся прочь из перевязочной. Стоящая в дверях палаточная сестра только и успела его перехватить. И откуда столько силы взялось в этом маленьком мужичонке. Боря успел схватить его за руки, сгреб в охапку и потащил к кушетке. Но это деревенское чудо, стало еще сильнее вырываться, но куда ему против троих человек. Сумели его повалить на живот и зафиксировали у него ноги, руки и туловище. Свободной оставили только голову, которой он начал вращать во все стороны, разбрызгивая капли крови по стенам. Тем временем Борис завернул ему обе руки за спину и придавил его всей тяжестью своего тела. Наш пострадавший внезапно затих, и «как раненый зверь» притаился, ожидая наших дальнейших действий.

– Ты, что хочешь без ушей остаться, – пригрозил ему врач, – так мы быстро это спровадим. Не успеешь и глазом моргнуть, вмиг их скальпелем оттяпаем. Будешь ходить, как Фантомас, только, что не зеленый.

– Да, я согласен, не режьте мне уши, я только боли сильно боюсь....

– Когда пьяный на тракторе ехал, чего ж ты ее не боялся?

– Так, то пьяный, а сейчас в хирургии страшно.

– Ладно, сейчас сделаю тебе анестезию и попробую тебе пришить уши, – и попросил у сестры, чтобы подала шприц с новокаином.

Во время анестезии, наш больной вел себя спокойно, когда же Борис начал пришивать ему левое ухо, вдруг стал вырываться из-под рук. Ничего не оставалось делать, как кулаком со всей силы двинуть его по спине. От неожиданности наш больной замер на несколько мгновений, а потом как заорал:

– Фашисты! Сволочи! Убивают! Помогите! Фашисты!

Борису ничего не оставалось делать, как наклониться к нему и, щелкая перед его глазами ножницами сказать:

– Еще, одно слово скажешь, чик и нет у тебя ушей. И скажу, что так у тебя и было, – сказал Борис и для верности еще пощелкал несколько раз перед его глазами ножницами.

После этого последнего предупреждения, наш больной уже не орал на все отделение. Только иногда, бормотал еле слышно, всхлипывая: «Фашисты, проклятые!». Хирургическую обработку Боря сделал полностью, пришил два уха и на удивление они прижились, и впоследствии не отпали от своего основания. Правда, немного нагноились хрящи ушной раковины, но в целом уши приросли к голове пациента.

Прошло несколько недель, после этого случая и вдруг заявляется на прием этот мужичонка и спрашивает: «Доктор, а неужели вы и в самом деле могли просто так отрезать уши?» Борис ему ответил: «Отрезать, конечно, смог, но мне кажется, вам с ушами удобней ходить, чем без них? Не правда, ли?»

Пациент ничего не ответил, а молча, вытащил из сумки бутылку водки, быстро ее поставил на стол и убежал прочь из кабинета. Об этом случае узнала вся деревня. Обсуждали со всех сторон, что доктор мог уши отрезать, а вот видишь, пожалел. Да и сам мужичонка ходил и показывал всем свои уши, которые, по его мнению, были совсем оторваны, а главный врач, сам лично их пришил. По мнению жителей, Борис Михайлович совершил героический поступок, хоть и врач маленькой больнички. Сельчане считали, что ни в районе, ни даже в городе такой операции никто не сможет сделать, а вот их доктор сделал! То, что больничка маленькая, это не делает скидку на профессионализм и возвращение здоровья, более того, в маленьких поселках, все друг друга знают, и весть об успешной операции быстро расползлась по методу сарафанного радио. Но это и на самом деле так.

Чаще всего врач хирург или терапевт, или стоматолог, анестезиолог, работают одни. Им не на кого опереться, это хорошо, если привезли тяжелого пациента и его еще можно отправить в областную больницу, а ведь часто такая роскошь не позволительна, приходится лечить своими силами. Таким врачам можно лишь посоветоваться по телефону, а действовать они будут сами, это пока приедет областная бригада, пройдет не один час, а пациент может и помереть.

Такие доктора принимают пациентов и днем, и ночью, у них нет такого, что смена закончилась и можно помахать ручкой, нет, они обязаны лечить пациентов круглосуточно. И скидку на нехватку нужных лекарств, усталость, никто не принимает во внимание. Если ты работаешь в деревне, то обязан всё делать.

Теперь Борис Михайлович был не просто местным врачом, а своего рода знаменитость целой деревни. Любое его лечение принималось всерьез, его советы в лечении слушали и строго выполняли. Татьяна радовалась успехам мужа и на нее падала тень славы. Ее уже звали по имени – отчеству Татьяна Михайловна, а не просто Таня. Даже в местном сельмаге ее пропускали без очереди, мотивируя тем, что мужу надо вовремя питаться, чтобы всё было дома готово. Поначалу Татьяне было неудобно, но потом свыклась. И в школе их сын Андрейка стал сразу одним из лучших учеников, хотя раньше и не показывал больших успехов. На всех торжественных мероприятиях они сидели на лучших местах в местном Дворце Культуры, а чаще Борю выбирали в президиум, где он занимал одно из почетных мест.

Участковая больница ходила в лидерах по всей области. Сам заведующий облздравотделом сделал робкую попытку и предложил Боре возглавить более крупное лечебное учреждение, но он попросил еще немного поработать и набраться больше практических навыков. Начальник согласился, но заметил, что к этому вопросу они еще вернутся и Борис не уйдет от его предложения. А пока Трепункин, воспользовавшись благосклонностью своего шефа, решил расширить свою больницу. По его мнению, настало время открыть небольшое родильное отделение. Деревня была большая, вся молодежь оставалась работать в совхозе, никуда не разъезжалась, а рождаемость детей каждый год увеличивалась. Главное, надо было найти хорошего акушер-гинеколога, которого можно было заманить в деревню только хорошим жильем и отличными условиями для работы.

Совхоз стал строить дом для нового врача, теперь оставалось только его найти. В городе с пониманием отнеслись к его идее и выделили средства для строительства нового роддома. Несколько раз ездил Борис Михайлович в город, разговаривал с врачами и просил, чтобы к нему в село направили гинеколога.

И вот, наконец, в участковую больницу прибыл новый врач, акушер-гинеколог, проработавший в центральной районной больнице около трех лет, но в связи с семейными обстоятельствами, а точнее со своим разводом, не хотел оставаться в районе. Жена его, поговаривали в больнице так загуляла с местными мужиками, что уже невозможно было смотреть на всё ее бл... во. Коллеги, в который раз говорили Леониду Павловичу, что жена открыто ему изменяет, а он всё не верил. И вот когда, его дражайшая супруга была поймана со своим очередным хахалем у себя дома, Леонид Павлович решил разводиться. А дело было так. Наш гинеколог ушел на ночное дежурство в больницу, а его дражайшая половина решила пригласить к себе в гости очередного любовника. Обычно врачи во время дежурства не приезжают домой, дел хватает и невозможно отлучиться. А тут Леонид Павлович решил зачем-то съездить домой и натолкнулся на следующую картину. Когда он открыл своими ключами дверь и стал звать свою супругу, то увидел у себя в комнате ее, глядящую брюки и мужика в трусах, сидящего на стуле. От изумления он не знал, что и спросить, но «верная» жена ему разъяснила, что зашел ее коллега по работе и попросил ее погладить брюки. Валя работала в медицинском вытрезвителе фельдшером и коллегами у нее были вся районная милиция в поселке.

В те времена медвытрезвители были широко распространены в доперестроечном Советском Союзе. Одно время там применяли массовые помывки специфического контингента из шланга с ледяной водой, до тех пор, пока один из пьяниц, «не дал дуба» после такой одной «оздоровительной процедуры». Помывки запретили, ввели должность фельдшера на предмет освидетельствования здоровья алкашей и пьяниц. Так, что милиция, совместно с медициной являлись активными борцами с пьянством, особенно если привозили спецконтингент с недопитыми и непочатыми бутылками спиртного. Сотрудники все это реквизируют, а все спиртное («Не пропадать же добру!») выпивали без остатка. В плане борьбы с пагубными привычками в вытрезвителе одно время злостных постояльцев стригли наголо, фотографировали и вывешивали на стенде с громким названием «Они позорят район». Также в воспитательных целях прикрепляли на стенде фотографии милицейских дубинок старого и нового образца.

«Полюбуйтесь, граждане, насколько отличается новая палка от старой! И побольше в размерах, и поувесистее!»

Эти меры ни к чему хорошему не привели. Как пили мужики, так и продолжали употреблять ее горькую. Вот в таком вот медицинском заведении, находящемся почему-то в ведении Министерства Внутренних Дел и работала наша Валя, пока самым простым образом не сбл... овалась и неперетрахалась со всеми доблестными сотрудниками правоохранительных органов.

Леонид Павлович, а к тому времени к нему приклеилась кличка «Лёпа», просто не замечал всех походов своей половины, милицейской подстилки, пока ему добрые люди не открыли глаза на его супругу. Это в городе можно бесконечно долго гулять и не попадаться на глаза и держать в тайне все свои похождения. В деревне же ты не успеешь чихнуть, как на другом конце уже все будут знать: почему ты чихнул, по какой причине и с кем.

Лёпа же все не хотел верить бесконечным изменам своей супруги, пока сам, случайно не застал ее с одним лейтенантом, в собственной квартире. Лейтенантик был в одних трусах и галстук, но Валя категорично заявила:

– Он меня попросил попросту погладить брюки. Ведь не могла же я своему коллеге отказать в такой малости!

Эта малость заключалась не только в глажении брюк. До мордобоя дело не дошло, а вот «Лёпа» все сокрушался и недоумевал: «Но почему в моей квартире она решила ему гладить брюки, а не на работе?» Коллеги ему старались внушить: «Леня, ведь тебе жена рога ставит, на хрена тебе такая бл... ь нужна?» Но разве можно было Лёпу переубедить. Все старались его всячески уверить, что уже вся деревня над ним смеется, а он все верит сказкам жены. Для многих тогда было загадкой, как же это фельдшер могла изменить доктору? У многих это не укладывалось в голове. Так Лёпа стал одним из первых жертв сельского разврата. Просто он сильно любил своего сына Павлика и старался не обращать внимания на похождения своей супруги. Когда же весь поселок заговорил на каждом перекрестке, ему уже ничего не оставалось делать, как подчиниться общественному мнению и разойтись с женой. Та не долго горевала и укатила вместе с ребенком, прихватив заодно с собой очередного лейтенанта-любownika в город. Там ее следы и потерялись.

А вот кличка у «Лёпы» точно соответствовала его характеру. Принять своего самостоятельного решения в отношении любого больного он не мог. Одной только положительной чертой Лёпы было это сильное сострадание к своим больным. Да и весь его вид говорил о какой-то непутевости, беззащитности, жалости. Среднего роста, с очками на продолговатом лице, такой вот доктор Чехов в провинции. Благо вместе с ним работали опытные врачи и помогали ему. В основном он сидел на «абортах», делал их по 10—15 штук в день, да во время дежурств работал в родильном отделении. Но женщины его любили. Во время родов «Лёпа» мог с роженицей вместе плакать, сложив свою голову на женский живот, утешая, ее страдания. Он постоянно переживал за своих больных, но толком ничего не умел делать и боялся брать всю ответственность на себя.

Его раз поразила одна вещь. На одной из пятиминуток у главного врача Леонид Павлович попросил усилить охрану входной двери в родильном отделении. Сперва никто не понял, зачем ему эта охрана. В те времена еще не сидели охранники перед дверями каждой конторы. Оказывается, одна деревенская женщина, успешно родив ребенка, уже на второй день после родов уединилась со своим счастливым мужем, для сексуальных утех. Прогуливаясь по территории отделения, а дело было летом, Леонид Павлович обнаружил в кустах свою пациентку, занимающуюся любовью с мужиком. У него не было сил даже слово сказать, просто стоял и смотрел с открытым от изумления ртом на эту земную любовь. Главному врачу ничего не оставалось делать, как пообещать, что обязательно даст дополнительную ставку медсестры для охраны родильного отделения.

– Я потом ей говорю, – объяснял Лёпа, – что нельзя после родов в течение двух месяцев заниматься сексом, а она знает, что мне в ответ сказала: «Леонид Павлович, ну как ему я могу отказать, муж же родной приехал, ведь очень сильно хотел. Что ж ему по бл... м идти? Вдруг каку-то заразу подхватит!»

Была еще одна слабость у Леонида Павловича. Он любил выпить, но на «грудь» мог принять очень мало. Про таких обычно говорили: «Да, ему достаточно только рюмку понюхать, и будет готов». Если же Лёпа принимал немного винца, то мог и заснуть во время осмотра своих пациенток.

Рассказывают такой случай. Во время амбулаторного приема, Лёпа, будучи в небольшом подпитии, заснул прямо у гинекологического кресла. Когда медсестра зашла в кабинет, то увидела следующую картину, Леонид Павлович, уважаемый доктор, прямо очками уткнулся в женскую промежность, а женщина, с задранными ногами в кресле пыталась его разбудить: «Леонид Павлович, что вы там делаете, что-нибудь серьезное нашли?»

Откуда ей было видеть, что доктор мирно спит, на ее раскрытых органах и ничего не делает. Но все эти мелочи Лёпе прощали, нет смертельных случаев, да и ладно. Главное, что внимателен с пациентками, а опыт дело наживное. Вот так поработав несколько лет «абортарным мастером», решил впоследствии наш Леня заняться большой хирургией. Но оперировать в районной больнице ему не давали, были другие опытные гинекологи и хирурги. И тут ему предложили вариант переехать в участковую больницу, пообещали хороший дом в деревне, хороший оклад и широкое поле деятельности для хирургии. Ему так и сказали: «В больнице очень хороший главный врач, сам хирург и давно уже просит толкового гинеколога!» Слова о толковом гинекологе стали бальзамом для Лёпы и он согласился туда поехать. Жить ему было негде, до этого они с женой жили на съемной квартире, да и надоело, что все в деревне обсуждают похождения его бывшей жены.

Вот такого врача и получил Боря в свою больничку. Выбирать больше было не из кого, а учить молодого врача всем премудростям не входило в планы главного врача. Отделение к приезду акушера-гинеколога построили, завезли всё оборудование и можно было и роды принимать и делать небольшие гинекологические операции – аборты.

В больницу стали еще больше приезжать пациентов из окрестных деревень. Приезжали в основном женщины, узнав, что хороший гинеколог появился в участковой больнице. Теперь не надо было возить женщин в роддом, что неоднократно случалось раньше. Женщины наблюдали и рожали прямо у себя в родной деревне и души не чаяли в работе Леонида Павловича. Вскоре уже некоторые молодые особы стали заглядываться на нового доктора, но в основном это были его бывшие пациентки, чаще разведенки с детьми. Но это не входило в планы Леонида Павловича. Он все чаще замыкался у себя в гостиничном номере, дом еще не достроили. Поначалу думали, что он пьет втихую, но продавщицы местного сельмага в один голос говорили, что не замечали, чтобы врач покупал спиртное в магазине.

У Бориса Михайловича проблема с женским приемом была разрешена и задумал он создать многофункциональное лечебное учреждение, чтобы не хуже, чем в городе, а лучше по подбору кадров и методам лечения. Его непосредственный начальник, главный врач районной больницы не возражал в его начинаниях, но не обещал, что сможет выделить денег на все эти преобразования и советовал обратиться в область, к самому заведующему областным здравоохранением. Выбрав время, Боря поехал в город, предварительно созвонившись со своим главным шефом. Тот дал согласие на прием.

В кабинете заведующего Борю был уже не в первый раз, но сейчас ему казалось, что он не получит должного сочувствия и ожидания от своего начальника. Так оно и оказалось.

– Григорий Иванович, – начал Боря разговор, после обычных приветствий, – я приехал к вам с одной просьбой, но вот не знаю с чего и начать.

– Да, ты начни, а я уж потом разберусь, – с ухмылкой ответил шеф, – сюда в основном и приходят с просьбами.

– Но у меня просьба необычная, – продолжил Боря, – не для себя стараюсь, а для народа.

– Для народа хорошо, – подхватил разговор Григорий Иванович, – наша партия так и говорит, что забота о человеке, есть основная забота Коммунистической партии. Ты же член КПСС, коммунист?

– Нет, к сожалению, – огорчился Борис, – но я заявление подал в райком партии. Сказали, что ждите разнарядки. На интеллигенцию мало мест в партию отпускается. А какую разнарядку ждать я толком и не знаю...

– Да, это всё партийные заморочки. Наша партия – это партия рабочих и крестьян, а интеллигенции там как бы не место. Слишком умные, а то вдруг начнут умные вопросы задавать почему в магазинах нет колбасы, нет мяса, масла, хлеба. Правда, хлеба сейчас хватает! А было время, что и его не было. Но это всё временные трудности.

– У нас в деревне никто не голодает. Надо мяса, купи в совхозе. Директор никогда не отказывает.

– Это вам не отказывает, а простой работник совхоза доступа к этому мясу не имеет. Сам должен держать скотину во дворе, кур, гусей. Сажать картофель и больше надеяться только на себя, а не на дядю. Так, какая у тебя просьба?

– Хочу Григорий Иванович построить большую больницу, как в районе, со всеми специалистами и отделениями, только еще лучше. Ведь от нас легче до города доехать, чем до центральной районной больницы. А так мы возьмем на себя основной поток больных, что едет в город.

– А кого, уж тогда принимать будут в вашей ЦРБ, если к вам основной поток пациентов перейдет?

– У них сейчас и так очереди стоят с утра до вечера. Утром народ приезжает из деревень, а к вечеру только разъезжается. Попасть к специалисту невозможно. А записи, как таковой нет. Сколько приехало больных, столько и обязан всех принять. А мы возьмем на себя часть больных и будем не участковой больницей, а межрайонной. Мы же и так расположены на стыке областей, районов и даже республик. К нам из города попасть легче, чем крестьянину приехать в районную больницу.

– Мысль хорошая, – размышлял заведующий, – но это же надо согласовать на всех уровнях. Я согласен, что ваша больничка находится в медвежьем углу и до вас и впрямь селянам добраться легче, чем до центральной больницы. Но, кто даст денег? А потребуется немало. Вот, что давай сделаем так. Ты, сейчас поедешь в городской гражданпроект, подойдешь к начальнику, я ему сейчас позвоню, он мой старый приятель и разъяснишь, что ты хочешь и как ты видишь в целом свой проект. Там люди толковые. Они всё соображают. Спроектируют, что надо с учетом всех твоих потребностей, а мы с ними заключим договор, а там посмотрим, где деньги можно достать.

– Ой, спасибо, Григорий Иванович! Как вы мне помогаете!

– Помогаю, помогаю, но отнюдь не бесплатно, – с металлом в голосе произнес заведующий облздраводелом, еще до этого бывшим таким добрячком и бескорыстным чиновником, – с каждого выделенного мне рубля, ты будешь мне лично давать десять процентов!

– Какие десять процентов? – не понял Боря.

– А вот такие, Боренька. Освоил сто рублей, мне с этой суммы десять рублей. И будешь приносить сюда лично, в руках, наличкой. Понял, дорогой доктор! А я тебе открою кредитную линию в банке, где ты сможешь и себе мелочишки оставить на семью.

– Но, я не знаю, как это всё делать? Где я эти деньги возьму?

– Я к тебе пришлю толкового человечка. Он тебе популярно всё объяснит и расскажет, как и что надо делать. Это тебе не несколько машин песка привезти в свой дом и построить

гараж из остатков кирпича. Это более серьезная вещь. Всему надо учиться и постигать вершины мастерства. Ты уже сколько лет работаешь?

– Четвертый год пошел, – пролепетал Борис.

– Вот, тебе на следующий год надо подавать документы на первую категорию. А так, кто тебе ее даст? Сельскому врачу? А я тебе дам. Лично рекомендацию напишу. А там и до высшей недалеко, но надо отработать с пользой для нашего общего дела. Давай дружить. Ты, парень толковый, вон на пустом месте больницу расширил и хочешь и дальше ее преобразовывать. Я тебе мешать не буду. Об этом разговоре ни слова жене и не надо ни с кем делиться. По секрету скажу, уже давно было принято решение на пленуме Обкома партии построить новую современную больницу в твоей деревне. Только не находилось достойных исполнителей. А ты как разходишь для этой цели. Ладно, иди. Я сейчас позвоню своему архитектору. Он тебя встретит. Почаще сообщай о своих делах. Когда дело сдвинется с мертвой точки, я к тебе заскочу. Там на месте всё обмозгуем, как всё лучше сделать. Ну, давай, иди.

Глава 4. Строительство новой больнички

После разговора с шефом Боря всю дорогу размышлял о его предложении. Теперь ему становилось ясно, откуда берутся шикарные дачи, коттеджи, машины и прочие атрибуты роскошной жизни. Посещение архитектора еще больше убедило его в том, что всё в этом мире продается и покупается: надо только занять определенную должность и деньги сами польются рекой, умей только правильно направлять течение.

Городской архитектор оказывается уже знал о желании Бори построить хорошую больницу в деревне. Ему уже Григорий Иванович всё подробно объяснил по телефону.

– Дорогой Борис Михайлович, – начал разговор городской архитектор, – меня кстати зовут Петр Моисеевич. Вы мне в общих чертах расскажите, что вы хотите построить и, что у вас есть на настоящий момент. Я знаю, что вы постоянно расширяете свою больницу, но теперь надо всё это объединить под одной крышей, чтобы и врачам было удобно и больные не страдали от перемещений по зданиям.

– У нас сейчас есть основной корпус с небольшим стационаром на 20 коек и два пристроенных отделения: хирургия и роддом с гинекологией.

– Вот, уже хорошо. А место есть для строительства? – спросил архитектор.

– Места хватает, – заверил Борис, – участковая больница находится на краю деревни и можно целый больничный городок сделать, со всеми службами и врачами.

– А земля стоит пустая или там разбиты огороды?

– Нет, территория больницы вокруг огорожена. Тут я слышал, что по планам изначально хотели построить большую больницу, но, что-то там не срослось и сделали небольшую участковую. Мне Григорий Иванович сказал, что еще лет двадцать назад хотели построить межрайонную больницу, но не хватило средств.

– Очень хорошо, что не надо делать землеотведение. Я постараюсь найти все эти кадастровые документы. Считай, что половина дела сделано. Давай договоримся так, что вы мне пришлете, привезете все документы строительные и архитектурные на существующие постройки, а мы тут постараемся, чего –нибудь сообразить. Ну и самый главный вопрос. Мы вам сделаем проект, составим договор, а вы должны будете из этой суммы перечислить нам дополнительно десять процентов от стоимости всего проекта.

– А где же я их возьму? Я так понимаю, что вам это надо будет всё наличкой оплатить, а я никакой предпринимательской деятельности не веду и не смогу просто найти эту сумму.

– А вам молодой человек и не надо сильно напрягаться. Мы сделаем вам фиктивный договор на несуществующий объект, вот он и будет примерно десять процентов требуемой нам суммы. По документам всё будет проходить нормально, никакой кражи нет, работа выполнена, акты приемки подписаны, все бухгалтерские документы проведены. А, что мы там не сделали или что-то недоделали обычно никого не касается. У вас затевается огромная стройка и, что там не сделали, а, что сделали и сам черт ногу сломит и не разберет. И кто вас будет проверять? Если вас курирует сам Григорий Иванович! Никто. В общем, жду от вас документы.

Распрошавшись с Петром Моисеевичем, Боря сел в машину и всю дорогу размышлял о предложениях, сделанных ему. Как начинать свою трудовую деятельность с приписок и откровенных взяток он даже не представлял. Конечно, он много раз слышал, что всё строительство и ремонт идет с большими финансовыми нарушениями, но, чтобы так откровенно, без зазрения совести сказать: «Гони, десять процентов!», он даже не мог еще и день назад представить. Посоветоваться ему было не с кем. Директора совхоза он уважал, но спросить у него совета боялся. А к кому еще обращаться? С женой на эту тему и нечего говорить. Она со своим

фельдшерским образованием и мировоззрением только и начнет всего пугаться и охать, что посадят ее мужа в тюрьму и оставит он ее с ребенком на руках.

Так ничего и, не придумав, приехал Боря в деревню, решив, что вначале соберет и отправит все документы в город, сходит на прием к директору совхоза, но не будет говорить ему о взятках, а просто расскажет о задуманном им мероприятии – строительстве новой больницы. Уж очень хотелось ему построить, что-то свое на века, чтобы помнили его люди. Что там директор совхоза посоветует. Ведь он же полный хозяин в деревне и имеет огромный авторитет в районе. Поговаривали, что его на Героя Социалистического Труда выдвигают, но это только слухи, сам-то он ничего не говорит.

Жена Таня копалась на огороде. Цезарь привычно вильнул хвостом и ушел дальше спать в свою будку. Андрей еще не пришел со школы. Сел на пороге своего дома Борис и представилось ему, что его забирают в тюрьму при передачи взятки и он с сиреной на машине на виду всех односельчан едет тянуть срок.

– Ты, чего это расселся, – вывел его из задумчивости голос жены, – крикнул бы мне в огород, я бы тебе покушать приготовила. Да и Цезарь, то лает как оглашенный, а сегодня молчит, спит в своей конуре. Сторож собачий! А я там помидоры подвязывала, обещают сильный ветер, вот я и решила их укрепить. Есть- то будешь?

– Конечно, буду. Считаю весь денег на сухомятке сию. День сегодня трудный был.

– Ну и как тебя принял твой шеф? Ругал?

– Да, нет. Его очень заинтересовала моя идея построить большую больницу. Ты знаешь Таня, оказывается, что здесь планировали построить межрайонную больницу еще лет двадцать назад. Но планам не суждено было сбыться, денег не хватило, а сейчас Григорий Иванович дал добро.

– И надо тебе это Боря? Всё ищешь на одно место приключений. Чем тебе наша больничка не нравится. Передовая, почти по всем показателям. А тут строительство начнется, так покоя не будет. Одни сплошные заморочки.

– Надо Таня двигаться вперед! Хватит одни помидоры выращивать...

– Как будто я только помидорами и занимаюсь. Сегодня народу было полно. Все тебя спрашивают, хотят, чтобы только ты их лечил и осматривал.

– Завтра никуда не еду и до обеда поработаю, а там надо к директору на прием идти. Хочу с ним посоветоваться.

– Да, кстати он звонил в больницу, спрашивал себя. Попросил, что когда ты приедешь из города, связался с ним.

– Что ж ты раньше не сказала? Давно он звонил?

– Да, еще утром. Ты только уехал в город.

– Тогда я сейчас к нему и зайду.

Борис перекусил, не стал отдыхать, вышел на крыльцо дома, посмотрел на здание администрации совхоза. Машина директора стояла у входа. «Сейчас самое время и для разговора» – подумал Борис и направился к директору.

Секретарша директора, увидев Бориса, заулыбалась ему. Эта симпатичная девушка, несколько раз поступавшая в сельскохозяйственный институт, но так и не поступившая, проявляла повышенную симпатию к Борису. Она старалась по любому поводу вызвать Бориса к директору, даже несколько раз в больницу к Боре на прием записывалась, по пустяковой причине. Но Боря понимал, что в деревне любая интрижка сразу же станет известной и поэтому держал себя на расстоянии от секретарши Любы. Тем более, что про нее такие сплетни ходили, что она после школы куролесила со всеми мужиками без разбора, потом выскочила замуж, да муж алкаш попался. Надо бы разводиться с ним, да всё надеялась, что мужик пить бросит. Отец, уважаемый человек – агроном в совхозе, мать учительница в школе. А вот дочери не повезло.

– А я вас всё утро искала, – защебетала Люба, – Виктор Максимович хотел вас увидеть. Вы ему срочно понадобились. Сейчас он занят, но скоро от него выйдет ветеринар и вы зайдете.

В просторной приемной директора совхоза одна стена была оформлена в виде доски почета, где за стеклянной витриной хранились различные кубки, призы, Почетные грамоты и прочие знаки сельскохозяйственной доблести совхоза. Совхоз был передовой и считался одним из лучших хозяйств области. Боря продолжал разглядывать уже в который раз достижения совхоза, как дверь в кабинет директора открылась, и из нее вышел ветеринар совхоза. Люба только хотела сказать, чтобы Борис заходил, как тот уже сам вошел в кабинет.

Директор сидел за своим столом и с кем-то ругался по телефону. Увидев Бориса, он жестом показал ему, чтобы тот садился, а сам продолжал говорить. Отдав последние указания, он положил телефонную трубку и посмотрел на Бориса.

– Что Борис Михайлович собираешься межрайонную больницу строить? Похвально, только вот, что мне ничего не сказал?

– Откуда вы знаете, – пролепетал Борис, – я еще никому не говорил. Только вот из города прибыл, где своему шефу и сказал.

– Гришке, что ли, моему старому приятелю...

– Так вы знакомы с моим шефом? – удивился Борис.

– А как же не знаком! В одной высшей партийной школе обучались, в одной комнате жили. Он видишь, каким тузом стал в области, а раньше был простым главным врачом. Я тогда агрономом работал и нас молодых коммунистов посылали повышать свой политический и партийный уровень. Вот в Москве с ним и познакомились. Это же столько лет прошло. Да... – замолчал директор, – хорошее дело ты задумал. Это очень правильное решение.

– Только мне такие условия поставили, – замялся Борис, – что я и не знаю, как это всё выполнить.

– Десять процентов отката попросил? – усмехнулся Виктор Максимович, – так это нормальная практика в нашей работе. Думаешь, я не отстегиваю? Еще как плачу. Если бы откат не давал, то ничего бы в совхозе не построил. Никто не дал бы разрешения на строительство даже простого детского садика, я уж не говорю о более крупных стройках. Везде надо, всем давать! Это норма социалистического хозяйствования! Запомни, Борис.

– Так, где же я деньги возьму? Это же громадные суммы по смете получают.

– Вот об этом не беспокойся! Я тебе помогу. Сейчас время такое. Вроде бы мы и социализм строим и в тоже время перешли на капиталистический путь развития. Где-то посередине перестраиваемся по ходу, да еще с ускорением и гласностью. Интересное время, получается!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.